

Екатерина Сирота родилась в Воронеже. Окончила факультет прикладной математики и механики Воронежского государственного университета. Преподает высшую математику в родном вузе, кандидат физико-математических наук. Лауреат и финалист ряда литературных конкурсов. Автор двух книг прозы, изданных в Москве при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации.

Екатерина Сирота

ГОРОД, КОТОРЫЙ ПАХНЕТ ЯБЛОКАМИ

Рассказ

Курская область, город Обоянь, улица Дзержинского, дом 73. Это адрес моего детства и моего лета. Воронеж, в начале июня солнцем раскаленный, асфальт кружевом тополиного пуха укрыт. Каждый год в начале лета прощалась с ним по дороге в Курск. Горшечное, Тим — так начиналась моя дорога в Обоянь — маленький город, который пахнет яблоками. Так говорила мама, когда отвозила меня на все лето к своим родителям. От Курска около часа езды в южном направлении в сторону Белгорода.

— Когда въезжаешь сюда, то пахнет яблоками, правда? — мама каждый раз спрашивала.

— Я не знаю. Мама, но ведь сейчас июнь, а яблоки только в августе?

— Нет-нет! Пахнет... уже весной, я помню еще в школе, когда бежали домой через овраг после уроков...сладковатый такой запах.

Я не помнила тогда... Только в конце августа, когда выбегала рано утром за ворота, чтобы проверить почтовый ящик, вдыхала осени первые шаги несмелые и запах яблок. Яблони по всей улице росли, мы часто с соседскими детьми их собирали, а в каждом дворе росли свои. Днем взрослые варили варенье из яблок и слив — таким для меня всегда был запах конца лета.

Дом бабушки и деда на четырех хозяев был старый — в нем когда-то жил помещик. Бабушка рассказывала, что им очень повезло, в свое время помогли ее родители с жильем. Они с дедом долго жили в съемных комнатах. Только деда родители бабушки так и не приняли до конца дней своих.

— Почему, бабушка?

— Понимаешь, он попал в плен в сорок первом году, его контузило. А после войны семь лет сидел в лагере для политзаключенных, мои родители не хотели с ним общаться.

Лицо бабушки напряженным становилась, как будто у нее внутри камень вешали, и она внутрь смотрит и хочет его снять. Я знала это ее состояние и боялась его. Только чувствовала, что дальше не надо... не надо спрашивать! А у деда и подавно. Бабушка тоже воевала, только не рассказывала никогда.

Мамин брат появился во время войны, и у него был другой отец, а отчество дедушкино. Я обожала своего дядю. Летом он приезжал на пару недель в Обоянь. Узнавала его издали по походке — он сильно хромал. В детстве переболел полиомиелитом, а прививку тогда не делали.

Мы втроем с ним и дедом ездили на рыбалку на разбитом «запорожце», проезжали каждый раз старую церковь. Дед рассказывал, что это Смоленский храм, в 1825 году Смоленский храм принимал на ночь гроб с телом умершего императора Александра I, из Таганрога в Петербург через Обоянь направлялось траурное шествие с прахом монарха. Дед был учителем истории.

Когда вернулся из лагеря, долго не мог устроиться на работу. Взяли в школу дворником... А бабушка в той же школе преподавала физику. Через несколько лет и деда повысили до учителя труда, а потом уже и истории. Эта церковь почему-то часто снилась мне потом... из старой кирпичной кладки стала бело-голубой, золотыми куполами в небо стремится. А мы вновь и вновь проезжаем мимо и забор вокруг церкви высокий, металлическая ограда и голос дяди:

— Эх, Катерина, не занимается тобой мать! Даже «Отче наш» не знаешь!

Дед всегда одергивал его, не любил такие разговоры. А потом приезжали на Псел, дед доставал удочки и рвал мне на реке молодой камыш, очищал, и я жевала стебли. Они были сладкие, пахли летней водой, теплой и спокойной. Дядька и дед сидели до темноты, а я плавала, вместо надувного круга — камера от колеса «запорожца». Псел ласковый, на нашем берегу росли тополя. Бабушка говорила, что сажали их сразу после войны. Громадные, в небо тянутся, а Псел — в бесконечность дней их за собой зовет. Такой тишины, как там, на речке, я не слышала больше никогда.

— Знаешь, Катерина, Обоянь — волшебное место... — говорил дядька, начиная складывать удочки, когда собирались домой.

— Это почему еще? — каждый раз спрашивала я, хотя такой разговор повторялся из года в год.

— Потому что люди сначала отсюда рвутся, уезжают, вот, например, как твоя мама в Воронеж, а потом сюда возвращаются. И не могут не вернуться, понимаешь?

Я не понимала... Дед заводил машину, а ночь уже укрывала Псел звездами. Дома ждала бабушка, и дед торопился. Потом дядька уезжал,

мы втроем провожали его на вокзал на нашем «запорожце». На обратном пути дедушка высаживал нас у библиотеки, она одна на весь город была, а сам ехал на рынок.

Бабушка — подтянутая, строгое платье с пояском из этой же ткани, короткая стрижка. Мы всегда брали журнал «Новый мир», и бабушка рассказывала про Солженицына. Когда поступала в вуз, я даже сочинение по нему писала.

— Знаешь, Катя, я же училась в той же школе, что и твоя мама, а дорога как раз мимо этой библиотеки проходила.

— А как же дорога через овраг?

— Это только в теплое время года. Моя мама, твоя прабабушка, ходила на родительские собрания этой же дорогой. Знаешь, я очень ее стеснялась. Так стыдно, когда вспоминаю...

— Почему, бабушка? Почему стеснялась?

— Потому что на собрания она всегда наряжалась и надевала шляпку, а все мамы были в платочках. Но она была невероятно красивая, я не в нее пошла, — бабушка смеялась.

Мы шли домой через тот самый овраг, в нем летние травы дышали и от легкого ветра волновались. Дома уже ждал дедушка, он привозил с рынка арбуз и пломбир. Дедушка всегда ел арбуз с бородинским хлебом, а потом показывал мне, что можно натирать хлеб чесноком, поливать его подсолнечным маслом и сверху солью посыпать. Это было самое вкусное, однажды я вынесла несколько таких кусков соседским ребятам. Бабушка почему-то страшно расстроилась и сказала, что лучше бы я вынесла им пирог с яблоками, а еще она никогда не выбрасывала остатки хлеба.

В конце августа я начинала страшно скучать по дому и Воронежу. Трава во дворе желтела, и утром иногда было пасмурно, словно осень на часок заглянула во двор. Пела горлица, и почему-то становилось невыносимо тоскливо, словно ее песня останавливала время. И мне казалось, что я в этой минуте навсегда останусь, и Воронеж будет бурлить сам по себе и без меня, а Обоянь, напротив, всех нас поглотит своим безвременьем.

Я уезжала, и каждое лето возвращалась вновь и вновь.

Дедушка ушел, когда я училась в университете, ушел в одночасье. В его вещах нашли крестик. Мы не знали, что он был крещеный. И тогда бабушка стала просить дядьку:

— Володя, надо крестить меня!

— Мама, не узнаю тебя...

— Я вместе с Колей хочу там быть.

Николаем звали деда. Разговоры повторялись, и бабушку вскоре крестили в той самой Смоленской церкви. Бабушка ушла на 97-м году жизни. Дом в Обояни продали, а в придачу к нему — и лето, и запах яблочного варенья в августе, теплый и спокойный Псел, вкус молодых камышей и ночи, звездами укутанные.

Мне часто снится город, который пахнет яблоками, только во сне я никак не могу вспомнить тот адрес, куда надо вернуться...

